

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И НАРЕЧИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

О. А. Руделева, В. Г. Руделев

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 14 января 2010 г.

Аннотация: в статье освещаются наиболее сложные факты, касающиеся частеречной проблематики применительно к русскому языку. Описание ведется в терминах динамической теории частей речи, разработанной в рамках Тамбовской лингвистической школы.

Ключевые слова: часть речи, русский язык, Тамбовская лингвистическая школа.

Abstract: the article discusses the most intrinsic facts of the problem of assigning part of speech in Russian. The description is based on the Dynamic POS theory developed by Tambov Linguistic School.

Key words: part of speech, Russian language, Tambov Linguistic School.

Памяти рязанского ученого-языковеда В. М. Никитина

Идеи инновационных технологий коснулись и науки о русском языке по всему фронту проблем, разрешение которых искусственно сдерживалось и сдерживается в угоду так называемым традиционным точкам зрения и из-за опасения осложнить преподавание данного предмета в школе. Между тем в реестре открытий, касающихся последнего продукта человеческого рода, т.е. языка, и именно — русского языка, накопилось немало достаточно актуальных рассуждений и видений, способных коренным образом изменить наши представления об избранном здесь объекте и способах его изучения на всех уровнях освоения, осмысления и активного использования в общественной практике.

Речь может идти как об открытиях, связанных с известными именами русских ученых (А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, Н. С. Трубецкой, В. В. Виноградов, В. В. Колесов и др.), так и о тех, которые сделаны в рамках региональных (в данном случае — тамбовских) научных коллективов, самым заметным из которых является *Тамбовская лингвистическая школа* [1; 2; 28]. И здесь невозможно обойти создание динамической теории частей речи [3], [4], которая была уже опробована в школе и отражена в учебных пособиях [5], получивших довольно высокие оценки специалистов ([6], [7], [8]) и учителей ([30], [31], [32], [33], [34]).

Наиболее важным моментом уникальной динамической теории частей речи, разработанной в Тамбове на материале русского языка, является определение того, что существительное располагается в центре знаменательных слов, будучи немаркирован-

ным и нулевым по категориальной семантике элементом всех частеречных оппозиций:

[глагол → существительное] ([3], [4], [11], [12], [13], [14]); [качественно-предикативное слово (прилагательное) → существительное] ([3], [4], [10], [12]);

[наречие → существительное] ([3], [4], [12]).

В перечень частей речи русского языка мы не включили местоимение, числительное и собственное имя. Каждая из только что названных нами частей речи на самом деле самостоятельная система, точнее — надсистема, конгруэнтная системе знаменательных семантико-грамматических классов. Что же касается «служебных частей речи» (союзов, предлогов и частиц), а также междометий, то все они, не будучи словами, не являются и частями речи, не образуя со знаменательными классами слов нейтрализуемых оппозиций.

Применяемый в нашем случае теоретико-информационный метод, основанный на анализе нейтрализаций ([15], [16], [17], [18], [19]), дает однозначный ответ на вопрос о маркированности / немаркированности элементов частеречных оппозиций: в слабых синтаксических (актантных) позициях глаголы, прилагательные и наречия выступают в субстантивных формах: *уход ~ уходить, красота ~ красивый, весна ~ весной (приехал весной)* — ([3], [4], [11], [15], [16], [17], [18], [19]). Обратные нейтрализации (например: существительное ~ прилагательное) обусловлены только перестройкой системы и актуализацией новых признаков; они, как правило, факультативны: *железо ~ из железа ~ железный* ([10], [12], [19]).

В случае нейтрализации наречия и существительного, однако, дело обстоит настолько сложно, что

обнаружить начальную форму наречия и отличить ее от мимикрической субстантивной формы ([4], [6], [12]), пользуясь старыми методами описания частей речи, почти невозможно ([12], [14], [20]). Все дело в том, что у наречия по сути нет хорошо осязаемой начальной формы. Довольно точно закрепляя за наречиями *временные* и *пространственные* значения, традиционная лингвистика (русистика) позволяет говорить о них только в случае *аморфности* наречного слова [20]. Так, безусловными наречиями считаются слова (!): *весной* (*приехал **весной***), *дома* и *домой* (*был **дома**, шел **домой***), но в выражениях *приехал **ранней весной*** или *работает **на дому*** наречий обычно не находят, поскольку здесь трудно говорить об аморфности. Тем более удивляет и раздражает традиционных исследователей попытка отнести к наречиям формы именительного падежа, например, слово *весна* (*наступила **весна***) или слово *дом* (***дом** наш состоял из пяти комнат*). Не желая вникнуть в существо довольно трудных, но, безусловно, разрешимых частеречных проблем, сторонники традиционных методов в теории частей речи искусственно создают абсолютно неразрешимые проблемы при определении семантики субстантивных слов, находя значение *<предметности>* в таких субстантивных словах, как *Бог, человек, волк, лилия, вода, поезд* и т.д., не говоря уж о таких якобы безусловно *<предметных>* словах, как *небо, степь, лес, поле, время, зима* и тех же: *уход, красота* и прочих. Действительная трудность частеречной проблемы – только в том, что центральное положение субстантива в системе частеречных оппозиций диктует *нулевое* значение существительного сравнительно с *процессуальностью* глагола, *качественностью* прилагательного и *темпоральностью* или *локальностью* наречий. Не имея положительного категориального частеречного значения, существительное внутри самого себя обнаруживает немалое количество значений, принадлежащих субстантивным классам (*<Бог>*, *<Человек>*, *<Животное>*, *<Растение>*, *<Предмет>*, *<Вещество>*, *<Машина>* и др.) [5]. Ни один из субстантивных классов (подклассов) не может навязать свою семантику остальным аналогичным классам (подклассам), в том числе и классу *<Предмет>*. Точно так же и класс *<Предмет>* не может претендовать на распространение своей семантики на классы *<Бог>*, *<Человек>*, *<Животное>*, *<Растение>*, *<Вещество>*, *<Машина>* и т.д. И не может быть на этот счет никаких договоров!

Попытка формализовать способы отличия подлинных субстантивов и их наречных подобию в актантно-сирконстантных позициях была предпринята в рамках Тамбовской лингвистической школы в конце 80-х – начале 90-х гг. ([1], [6]). Исследователи исходили из известных и осмысленных фактов рус-

ского языка, когда обстоятельству элементу предложения типа *зимой* (*приехал **зимой***) предлагался чисто наречный вопрос *когда?* При этом не может считаться корректным вопрос косвенного (в данном случае творительного) падежа: *чем?* Согласно постулату об аморфности наречия, признавая форму *зимой* или *весной* самостоятельным наречным словом, необходимо было лишать это слово морфемной прозрачности (*зим-ой*, *весн-ой*) либо объявлять явную флексию *-ой* особым наречным суффиксом. Конечно, в выражении *ранней весной* при этом никакой аморфности не находили, имея в виду второй элемент выражения (*-ой*). Здесь невозможность вопроса косвенного падежа компенсировало определение *ранней*. И точно так же исследователи-традиционалисты не находили ни аморфности, ни наречности в выражениях: *замерз в степи, сижу на дереве, залез на крышу, живу в городе* и под., хотя в данных случаях естественный вопрос вроде *где?, куда?* исключает или подчеркивает искусственность так называемых «учебно-исследовательских» суррогатных вопросов: *в чем?, на чем?, на что?* и т.д. ([21], [22], [23]).

В связи с рассмотренными фактами есть все основания находить наречную семантику и, следовательно, наречные лексемы во всех случаях темпоральной семантики слова. Наречиями следует считать объективно являющиеся таковыми не только словоформы *днем, вечером, ночью, весной, летом, зимой*, но и так называемые их «субстантивные» корреляты: *день, вечер, ночь, весна, лето, зима* и под. ([5], [12], [20], [26]). Падежная парадигма каждого из подобных наречных (!) слов начинается с форм им. п. *зима, день, весна, лето* и т.д. Эти формы только внешне – субстантивны, а в смысле семантики они – наречия с *темпоральным* значением, начинающиеся на чуждой, субстантивной территории:

Зима недаром *злится*,
Прошла ее пора —
Весна в окно *стучится*
И *гонит* со двора...
(Ф. Тютчев)

Предикаты: *злится, стучится в окно, гонит со двора* – явно субстантивные, принадлежащие, к тому же, определенному субстантивному классу – *<Человек>*, но это тропические предикаты, поэтические приемы, имеющие место только в живом языке, не подвергшемся эсперантизации и депоэтизации [23]. Гомические ассоциации у наречных слов, выступающих в чужой для них и в то же время для них же начальной субстантивной форме, не уничтожают наречной (в данном случае – *темпоральной*) семантики: вторичность тропических наслоений на наречную семантику постоянно ощущается, поскольку начальные субстантивные формы наречий *зима, вес-*

на и под. временной наречной семантики (базовой, основной, инвариантной) не утрачивают: вряд ли кому придет в голову, определяя семантику слова *зима*, говорить, что это «такая женщина, которая...». *Зима* – это <время года>, и только это [24, т. 1, с. 682–683], как бы она ни представлялась русским поэтам.

Иллюзия субстантивности, однако, усиливается в поэтическом тексте, для которого словно только и существуют субстантивные начала наречия. Однако *олицетворение* – лишь крайняя степень субстантивного гипноза и мимикрии. В иных случаях его не бывает, но мимикрия всегда налицо благодаря падежным формам, тождественным тем, которые наблюдаются у исконных субстантивов. Ср. у А. Плещеева:

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...

В этом поэтическом тексте слово *весна* в своей начальной субстантивной форме получает не *гомическое*, а скорее *вещественное* дополнительное значение. В такой игре значений, однако, вся красота русского языка!

Чисто *временное* (*темпоральное*) значение у слова *весна* при этом не обязательно стирается, сводится на нет:

И Весна настала. Всюду кутерьма...
(К. Бальмонт)

Косвенные субстантивные падежи лишь тогда обнаруживают несомненное наречное значение слов наподобие *весна*, когда они омонимичны собственно наречным падежам: *доволен весной (чем?)* и *приехал весной (когда?)*. Падежность обнаруживается в обоих случаях, и нет никакого резона отнимать флексию (окончание) у одного из омонимичных падежей: они оба наречные, только один – непосредственно наречный, а второй – взят у существительного «напрокат», он – маска наречия специально для актантных позиций.

Последний пример (из Бальмонта) как будто наводит на мысль о том, что не только творительный падеж является кульминационным моментом освобождения наречия темпорального типа от всяческих субстантивных ассоциаций. Таким может быть, например, винительный или родительный. Ср. у В. Дала: *В зиму шубы не занимают; с осени зелено, а в зиму молись Богу*. Однако и в любом ином падеже темпоральное наречное слово своей инвариантной семантики не утрачивает. Это и заставляет нас полагать, что темпоральных существительных в русском языке нет как таковых; заимствуя субстантивные падежные формы, темпоральные наречия становятся субстантивами только по форме, а в некоторых падежах они словно образуют свои независимые формы,

конгруэнтные субстантивному.

Завершая разговор о темпоральных наречиях и их субстантивных формах, не можем не сказать, что предложенное нами решение одной из самых трудных частеречных проблем русского языка полностью отменяет постулат об аморфности наречий; оно же по сути реабилитирует наречный класс: в противном случае легче у существительного найти подкласс слов с темпоральным значением и некоторое количество дополнительных падежей (ср.: [25]) и тем самым отменить наречную часть речи, чем, констатируя ее присутствие в системе семантико-грамматических классов слов, быть беспомощным в позитивном изложении данных о наречии. Во всех, кстати говоря, даже очень талантливых описаниях русского языка разделы, посвященные наречиям, – самые слабые звенья работы.

Вопрос о взаимосвязи существительных и наречий с *пространственным* значением после некоторого перерыва [6] в рамках Тамбовской лингвистической школы был поставлен заново [20]. Учтено и актуализировано открытие, согласно которому наречное слово с пространственным значением является названием <пространства>: одномерного (*линия*), двумерного (*плоскость*) или трехмерного (*фигура*), в то время как субстантивное слово может быть только <точкой> в этом <пространстве>. Такое частеречное видение хорошо представлено у А. Вознесенского [11; 16]:

Она, как озеро, лежала.
Стояли очи, как вода.
И не ему принадлежала –
как *просека* или *звезда*.

Совершенно точно, в соответствии с выдвинутым открытием, наречным оказывается слово *просека*, а субстантивным – *звезда*. Оба слова, между тем, поданы в тексте в субстантивных формах, и это, как будто, позволяет их одинаково относить к существительным. Иных, кроме субстантивных, у этих слов форм, кстати, и нет. Мало кому в голову придет искать здесь частеречные различия. Но поэт Вознесенский чувствует все иначе, а точнее – именно так, как и следует видеть: избитая женщина (стихотворение называется «*Бьют женщину*») лежит на дороге, почти неживая, и видит – *просеку* (часть звездного ночного неба); она видит только одну *звезду* на небе в пределах видимой *просеки*. Вот для того, чтобы в сознании русского человека отличались друг от друга видимые и невидимые *пространства* и *точки* на этих пространствах – в виде звезд, различных предметов и людей, существует различие субстантивов и наречий. Изначальная и тотальная нейтрализация наречия и имени! Кстати, только по форме, но не по значению! Зачем такие частеречные тонкости? А для

того, чтобы один и тот же объект (какой-нибудь <дом> или <дуб> (и даже – зуб), мог быть представлен как <точка в пространстве> и как само <пространство>. И это разные слова, потому что слово не может быть представлено несколькими частями речи одновременно. В русском языке все именно так и есть, и все это выражено не только в семантике тех же слов *дом* и *дуб*, но и в их грамматике.

Так, в слове *дом* словари русского языка находят два основных (базовых) значения: *точечное* (<здание>) и *пространственное* (<помещение>, <квартира>) [27], т.е. субстантивное и наречное. Первое значение подтверждается фразами: *флаг на доме* (*флаг над домом*), *каменный дом*, *дом на набережной*. Второе значение, наречное, подтверждается фразами: *дойти до дому*, *выйти из дому* и некоторыми примерами якобы за пределами лексемы: *сидеть дома*, *работать на дому*, *брать на дом* и т.д. Падежная противопоставленность типа: *на доме* (*на чем?*) – *на дому* (*где?* или *как?*, но не *на чем?*) говорит о грамматической вариативности, связанной с нетождественными значениями на частеречном уровне; эта вариативность усиливается явно наречными формами типа *дома* и *домой*, в которых ничто не мешает видеть те же флексии, что и в других формах этого слова. Вопрос не в этом, он – в более серьезном и очень важном для лексикографии: можно ли считать корректной относимость двух значений слова к одной и той же части речи? Конечно, нужно ответить на этот вопрос отрицательно: не два значения следует находить в слове (лексеме) *дом*, а две омонимичные лексемы: *дом¹* и *дом²* – с разным набором падежных флексий, частью факультативных и одной и той же (субстантивной) начальной формой, свидетельствующей о нейтрализации частеречной пары (*наречие* → *существительное*).

В слове *дуб* современные словари русского языка не фиксируют аналогичное семантическое раздвоение [26, с. 106], констатируя, однако, вариативность окончаний: *на дубе* и *на дубу*. Причины такой вариативности не упоминаются, словно их и нет. Между тем пушкинская фраза *Златая цепь на дубе том* подчеркивает <точечную> (субстантивную) семантику слова *дуб*; эта точечная семантика предопределена пространственным фоном находящегося у *лукоморья Дуба*. А выражение *на дубу зеленом* изображает <пространство>, в котором или на котором происходит какое-то событие («два сокола ясных ведут разговоры»). К сожалению, русисты-филологи еще далеки от словарей, в которых бы учитывались эти важные тонкости.

Остановимся на некоторых словах-лексемах, которые в принципе абсолютно наречны, не имея омонимичных субстантивов; *степь*, *поле*, *море*, *небо*, *лес*, *рынок*, *город*. Форма типа *в городе* тем и не хо-

роша, просторечна и не приемлема в литературных текстах, что у нее нет чисто субстантивных конкурентов: она одновременно и субстантивна и наречна. Но уже есть выражение *на балу*, вместо старой формы *на бале* (у Лермонтова: «Да. Я тебе на бале подал яд»). *На бале* уже, совершенно естественно, не говорят, поскольку субстантивная семантика здесь вовсе исключена: *бал* уже абсолютно невозможно представить как *точку в пространстве*, *бал* это – само *пространство*. И только! В форме *на бале* нет никакой надобности. Ср. еще: *на смотре*, *на плацу* и *в отпуску* [25]. Форма пр. п. *в степи* совершенно естественна, хотя и нова, безусловно, потому что она – форма наречия. Не естественна форма род. п. *степи*, потому что в этом слове – колонная баритонеза (тв. п.: *степью*), которая от нашего незнания процесса внедрения окситональных чисто наречных форм и неумения управлять этим процессом, благодаря абсурдной идее <предметности> слов типа *степь* и под. (ср.: [28]), разрушается, нанося вред языку; ср. с аналогичным процессом в слове *грудь* (совершенно правильно – *в груди* с вопросом: *где?* и неправильно – *грудю* вместо *грудю*, как *грудью*). Описанное явление искажения языка говорит об актуальности и необходимости установления более естественных и закономерных границ между существительным и наречием!

Не может быть сомнения в том, что такие нововведения на первых порах усложнят преподавание русского языка в школе, привыкшей соотносить <предметность> с так называемыми «учебно-исследовательскими» вопросами *кто?*, *что?* Но на помощь должна прийти формальная теория частей речи в духе Ф. Ф. Фортунатова, ныне совершенно отвергнутая (ср.: [35]). При реабилитации этой теории, когда-то широко распространенной в школе, ученики будут легко по форме находить в тексте существительные, первоначально не задумываясь насчет того, действительные ли это субстантивы или только мимикрические формы иных частей речи. Но через некоторое время (на втором этапе) они должны будут отличать подлинные субстантивы, не имеющие признаков <процессуальности>, <качественности>, а также <темпоральных> и <пространственных>, от тех слов, которые эти признаки имеют (глаголов, прилагательных и наречий); последние только заимствуют субстантивные формы, выступая в масках последних. Дети это хорошо понимают, особенно в младших классах [5], и им не составляет труда находить замаскированные под субстантивы глаголы, прилагательные, наречия. В детской среде возникли выражения: *глагол в шкурке существительного* или *прилагательное в одежде существительного* (сообщено нашей ученицей Е. В. Лаптевой, работавшей учительницей русского языка).

Частеречный механизм языка, производящий нейтрализации (*глагол: существительное*), (*прилагательное: существительное*), (*наречие: существительное*) в актантных позициях, можно представить в следующей модели:

$$\begin{array}{c} A^1 \quad A^2 \\ C \leftarrow \Gamma \rightarrow \Pi \\ \uparrow V^1 \\ H, \end{array}$$

где Γ – <глагол>, Π – <прилагательное>, H – <наречие>; A^1 – признак <предикативности>, имеющий положительное значение (+) у глагола и прилагательного, а у существительного и наречия – отрицательное (-). В слабых актантных позициях происходит нейтрализация [Γ : C] (*глагола и существительного*); прилагательное, имея положительное значение устраняемого признака A^1 , мгновенно занимает место устраненного из системы глагола:

$$\begin{array}{c} A^1 \\ C \leftarrow \Pi \\ \uparrow V^1 \\ H. \end{array}$$

Происходит совершенно закономерно нейтрализация [Π : C] (прилагательного и существительного), после чего актуализируется признак V^1 с <пространственно-временным> значением:

$$\begin{array}{c} V^1 \\ C \leftarrow H. \end{array}$$

Этот признак также оказывается неустойчивым, и после нейтрализации [H : C] вся частеречная система редуцируется до точки [C]. Заметим, что аналогичные преобразования должны происходить и в иных надсистемах частей речи – среди *числительных, местоимений и собственных слов*. «Служебные» части речи, как уже говорилось, в динамической теории к частям речи не относятся вообще и словами не считаются.

В случае актуализации признака A^2 для подготовки нейтрализаций в позиции второстепенного предиката (определения) исходная система преобразуется в:

$$\begin{array}{c} A^1 \quad A^2 \\ C \leftarrow \Gamma \rightarrow \Pi \\ \uparrow V^1 \\ H. \end{array}$$

Тогда последовательно осуществляются нейтрализации [Γ : Π], [C : Π] и [H : Π]. Возникают адъективные формы глагола (причастия: *идуций, шедший* и т.п.), адъективные формы существительных (*дядин, птичий, золотой*) и даже наречий (*весенний, лесной, здешний*). Нейтрализации эти в некоторой степени факультативны: может быть *идуций* и *который идет* (такое рас-

пределение – по стилям заметил еще А. С. Пушкин); может быть также: *золотой* и *из золота*, и т.д.

В результате нейтрализаций второго рода словно возникает особая (недавно, кстати, признанная) часть речи – причастие. Но это не так: причастие – только адъективная форма глагола. И также относительные прилагательные – вовсе не прилагательные, а только адъективные формы существительных.

Для подготовки нейтрализаций в сирконстантных (обстоятельственных позициях) происходит еще одно преобразование исходной частеречной системы:

$$\begin{array}{c} C \\ V^1 \uparrow A^1 \quad A^2 \\ H \leftarrow \Gamma \rightarrow \Pi. \end{array}$$

В результате последовательных нейтрализаций [Γ : H] и [Π : H] возникают наречные формы глагола (деепричастия) и прилагательных (так называемые «качественные наречия»): *идя, шедши; быстро, весело* и т.д. Деепричастия как части речи нет ни в основной частеречной модели, ни в ее модификациях: это только наречные формы глагола. И точно так же нет качественных наречий, а есть только наречные формы прилагательных (а они, прилагательные) все – качественные!). Разумеется, надо забыть и о так называемой *категории состояния*, насчет которой шли ожесточенные ученые бои в 50-е гг. В выражении: *На улице было тепло* – обычное прилагательное, даже не в наречной, а только в безлично-предикативной форме [10].

Будучи весьма условными и нечеткими, границы между глаголом и прилагательным держатся по сути дела на признаке *вида*, который не у всех глаголов в наличии, но только у активных (фазовых) [35]. Именно этот факт может делать адъективный компенсирующий признак *качества* ведущим в оппозиции глагола и прилагательного. И тогда возникает база для образования глаголов со значениями *качества*, и это особенно ярко проявляется в наречных формах глагола, т.е. в деепричастиях (ср. известный пример: *читать лежа – вредно*). Аналогичные явления наблюдаются и у субстантивов в роли обстоятельства: «*Сижу, читаю без лампы*» (А. С. Пушкин), где выражение *без лампы* мыслится с вопросом *как?*, а не *без чего?*

Мы затронули, видимо, лишь часть вопросов, касающихся оппозиции [*наречие* → *существительное*], полагая, что они являются наиболее важными в обсуждении проблемы наречия – самой древней и самой сложной частеречной сущности любого языка, в частности – русского. Надеемся на актуализацию и продолжение этой темы и в рамках Тамбовской лингвистической школы, и за пределами нашего направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлицкий Ю. Международная конференция «Слово», посвященная 20-летию Тамбовской лингвистической школы / Ю. Орлицкий // Вестн. гуманитарной науки. – М., 1995. – № 6. – С. 5–8.
2. Винокуров Б. З. Тамбовские научные школы : опыт исторического изучения / Б. З. Винокуров // Наука и власть : научные школы в историческом измерении // Материалы науч. конф. – М., 2002. – С. 99–100.
3. Руделев В. Г. Динамическая теория частей речи / В. Г. Руделев // Вестн. Тамб. ун-та. – Серия : Гуманитарные науки. – Тамбов, 1966. – Вып. 1. – С. 83–84.
4. Руделев В. Г. Семантика слова в аспекте динамической теории частей речи (на материале русского языка) / В. Г. Руделев // Державинские чтения. XI. Ин-т филологии. Фак-т журналистики : материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов. Февраль. 2006 г. / отв. ред. Н. Л. Потанина. – Тамбов, 2006. – С. 81–83.
5. Руделев В. Г., Руделева О. А. Вначале было слово (Популярная лингвистическая теория для учащихся национальных школ. V–VII кл.) / В. Г. Руделев, О. А. Руделева. – Тамбов, 1995.
6. Шарандин А. Л. Иерархические отношения в системе частей речи русского языка / А. Л. Шарандин // Вестн. Тамб. ун-та. – Серия : Гуманитарные науки. – 1998. – Вып. 1. – С. 20–28.
7. Титов В. Т. Общая количественная лексикология романских языков / В. Т. Титов. – Воронеж, 2002. – С. 204–205.
8. Шарандин А. Л. Проблемы русской грамматики в трудах профессора В. Г. Руделева / А. Л. Шарандин // Вестн. Тамб. ун-та. – Серия : Гуманитарные науки. – 2002. – Вып. 3 (27). – С. 50–63.
9. Челюбеева (Сафонова) Н. В. Семантико-грамматические признаки качественно-предикативных слов в говорах Тамбовской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Челюбеева (Сафонова). – Л., 1988.
10. Дриняева О. А. Некоторые аспекты существительного и субстантивных форм в современном русском языке (на материале текстов, изучаемых в начальной школе) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Дриняева. – Воронеж, 1989.
11. Руделева О. А. Существительное и его семантико-грамматические классы (на материале поэзии Андрея Вознесенского) : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Руделева. – Саратов, 1990.
12. Зыонг Ван Чи. Типы склонения существительных и субстантивных форм в современном русском литературном языке (на материале текстов для детей К. И. Чуковского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ван Чи Зыонг. – Тамбов, 2006.
13. Егорова Е. Н. Девербативы как субстантивные формы глагола : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Егорова. – Тамбов, 2009.
14. Руделев В. Г. Теория нейтрализации. Некоторые результаты. Перспективы развития / В. Г. Руделев // Теория нейтрализации : сб. науч. статей. – Тамбов, 1980. – С. 3–10.
15. Руделев В. Г. Теория нейтрализации применительно к частям речи / В. Г. Руделев // Семантические категории языка и методы их изучения : тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. – Уфа, 1985. – С. 75–76.
16. Руделев В. Г. Открытие, не осмысленное веком / В. Г. Руделев // Лингвистика на исходе XX века : итоги и перспективы : тез. междунар. конф. – М., 1995. – Т. 2. – С. 446–447.
17. Дриняева О. А. Фонологические методы, их универсальность и применимость за пределами фонологии / О. А. Дриняева, Н. В. Каменская, О. А. Руделева // Исследования по русской фонологии. – Тамбов, 1987. – С. 147–162.
18. Руделев В. Г. Мимикрия в системе частей речи русского языка / В. Г. Руделев // Концептуальное пространство языка : сб. науч. трудов, посв. юбилею профессора Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов, 2005. – С. 132–140.
19. Руделев В. Г. Легенды о наречии / В. Г. Руделев // Информационный потенциал слова и фразеологизма : памяти профессора Р. Н. Попова : сб. науч. статей : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Орел, 2005. – С. 103–106.
20. Руделев В. Г. Вопросительные дейктические слова и суррогатные вопросы-определители / В. Г. Руделев, Н. И. Руднева // Державинские чтения. III. Филология : материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов. Февраль. 1998 г. – Тамбов, 1998. – С. 39–40.
21. Руднева Н. И. Статус вопросительных местоимений (на материале драматических произведений Александра Вампилова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. И. Руднева. – Тамбов, 1998.
22. Руделев В. Г. Исследование проблем экологии языка и речи (научный отчет) / В. Г. Руделев // Вестн. Тамб. ун-та. – Серия : Гуманитарные науки. – 2001. – Вып. (21). – С. 10–19.
23. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – М., 1955.
24. Зализняк А. А. Русское именное склонение / А. А. Зализняк. – М., 1967.
25. Руделев В. Г. Заметки о грамматическом значении слова (на материале русского языка) / В. Г. Руделев, О. А. Цыпин // Вестн. Тамб. ун-та. – Серия : Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 3 (71). – С. 159–167.
26. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1972.
27. Игумнова Е. С. Языковая картина степи в художественном мире А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Игумнова. – Тамбов, 2009.
28. Юрьев В. М. Научные школы и направления Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина / отв. ред. В. М. Юрьев. – Тамбов, 2006. – С. 242–261.
29. Челнавский В. «Я русский бы выучил...» / В. Челнавский // Новая тамбовская газета. – 1996. – 29 марта. – С. 10.
30. Маевский С. Поэзия языка / С. Маевский // Послесловие. – Тамбов, 1996. – С. 4.

31. *Ефимов С.* Уроки русского... Голос Притамбовья / С. Ефимов. – 1996. – 7 июня.

32. *Ишин А.* «Умейте же беречь наш дар бессмертный — речь» / А. Ишин // Экспресс-Репортер : Молодежная газ. – 1997. – 30 апр.

33. *Поликарпова М.* В начале было слово... Книга для всех, кто любит русский язык / М. Поликарпова // Город на Цне. – 1997. – 1 окт.

34. *Руделев В. Г.* К вопросу о грамматических (морфологических) классах слов / В. Г. Руделев // Вопросы общего и романо-германского языкознания : докл. и сообщ. – Уфа, 1964. – С. 59–67.

35. *Руделев В. Г.* Шифрующая роль глагольных грамматических категорий / В. Г. Руделев, А. Л. Шарандин // Теория содержательной формы : сб. лингв. статей. – Тамбов, 1981. – С. 32–53.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Руделева О. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры общей педагогики и образовательных технологий

Тел.: 8 (4752) 72-76-61

Руделев В. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Тел.: 8 (4752) 72-76-61

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Rudeleva O. A., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General Pedagogy and Educational Technologies

Tel.: 8 (4752) 72-76-61

Rudelev V. G., Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language

Tel.: 8 (4752) 72-76-61